

Оказавшись в нескольких шагах от дома семьи Линь, Цзян Фу криво усмехнулся. Что же это за напасть? Его сын досадил ребёнку из семьи Линь, а в итоге, судя по их отношению, к Цзян Ханю у них особых претензий нет, зато он и его жена вызвали у почтенного учителя гораздо большее недовольство.

Цзян Фу понимал, что имел в виду учитель. Он взглянул на жену и наконец произнёс:

— Раньше, за границей, я был очень занят и у меня не было времени помогать тебе с воспитанием сына, в этом я, конечно, виноват. Но теперь мы вернулись на родину. Я по-прежнему буду занят, но уже не так сильно. Время на воспитание сына у меня точно найдётся. Цзян Ханю уже семь лет, и если сейчас не взяться за него как следует, будет поздно.

Женщине эти слова пришлись не по душе, на сердце стало тяжело.

— Ты считаешь, что я плохо его воспитывала? Что я его испортила? Ты это имеешь в виду?

Цзян Фу промолчал. Он не имел права упрекать жену в плохом воспитании, ведь ребёнок — это и его ответственность тоже.

Но в душе он действительно был недоволен, в основном из-за её поведения сегодня в кабинете. Он прекрасно видел, что учитель затаил на неё обиду.

Линь Госюн не был из тех, кто не защищает своих. Напротив, если он находил кого-то достойного своей защиты, то стоял за него горой.

В конце концов Цзян Фу сказал лишь:

— Что касается детей, давай забудем о прошлом и договоримся на будущее: пока дело не доходит до переломов и крови, пусть они разбираются сами. Родителям нечего вступать.

Сказав это, он пошёл в обход кабинетов и учебных корпусов, высматривая, где мог спрятаться его непутёвый сын. Родители других детей уже забирали их домой, и ему пора было забрать своего.

На обратном пути в старый особняк Линь Госюн, прищурившись, словно что-то вспоминая, небрежно спросил:

— Жёну нашего тридцать восьмого, кажется, зовут Тан? А тот, которого зовут... Тан Тиншань, её брат?

Линь Юйцин подтвердил и с пониманием кивнул деду.

Линь Госюн постучал указательным и средним пальцами по колену.

— Только не переусердствуй. Действуй в меру.

Линь Юйцин всё понял. Создать небольшие проблемы для семьи жены Цзян Фу. Желательно такие, которые на первый взгляд кажутся пустяковыми, но на деле требуют уйму времени и нервов, заставляя ночами не спать.

Твоя сестра обижает нашего ребёнка, а я, как его дядя, немного попорчу жизнь тебе. Вполне справедливо.

Сидевший в той же машине Линь Гохун сгорал от нетерпения, а потом пожаловался старшему брату:

— Брат, ну ты и быстрый. Я со своими старыми костями уже за тобой не поспеваю, ты всё делаешь раньше меня.

Затем он похлопал по плечу второго брата, Линь Гошэна, недвусмысленно намекая: нужно заступиться за Фэйфэя, давай и мы подключимся.

Линь Гошэн взглянул на своего третьего брата. Тот всегда был хитрым лисом, которому лишь бы мир вокруг посильнее бурлил. А с возрастом и вовсе впал в детство, став похожим на старого проказника. Неудивительно, что Фэйфэй, когда был дома, так любил играть с третьим дедушкой, порой забывая даже о нём, родном деде.

— Если мы все разом навалимся, семья Тан может и рухнуть. Третий брат, как ты с возрастом становишься всё безрассуднее? У нас ведь нет с ними кровной вражды. Максимум, что можно сделать, — это заставить того шурина Цзян Фу, пару ночей не поспать и задержаться в офисе на несколько дней. Больше — уже перебор. К тому же, тебе разве не нужно возвращаться и помогать Фэйфэю оборачивать книги? Такой занятой, а есть время на другие дела? — Линь Гошэн, вспомнив о недавнем, сказал это с ноткой раздражения в голосе.

Линь Гохун помахал рукой у себя перед носом.

— Откуда это так уксусом запахло?

— Ты что, на завтрак уксус пил? — невозмутимо парировал Линь Гошэн.

Линь Гохун усмехнулся. Не он, так кто-то другой.

Когда машина вернулась в поместье Линь, в гостиной Фэйфэй открыл свой маленький рюкзак и начал одну за другой выкладывать на журнальный столик новые книги. Линь Гохун достал несколько листов красивой обёрточной бумаги с небольшими иллюстрациями, которую приготовил заранее, и сел напротив Фэйфэя.

Малыш потрогал бумагу и с любопытством посмотрел на Линь Гохуна:

— Третий дедушка, ты в детстве тоже оборачивал книги бумагой?

Рядом с Фэйфэем Линь Гохун всегда выглядел как добродушный старик с неиссякаемым детским задором в глазах. Он взял учебник математики, линейкой отмерил нужный размер и начал резать.

Одновременно он отвечал на вопрос Фэйфэя:

— Да, когда твой третий дедушка ходил в школу, он так и делал. Правда, тогда я был несмышлёнышем и однажды перепутал коллекционную бумагу с золотым напылением твоего прадедушки с обычной. Подумал, что она красивая, и забрал всю стопку на обложки. Когда твой прадедушка вернулся, он чуть не отшлёпал меня до смерти.

— А эту бумагу можно использовать? — спросил Фэйфэй после рассказа дедушки, указывая пальчиком на листы на столе.

Линь Гохун кивнул.

— Конечно, эту бумагу третий дедушка специально для тебя выбирал. Нравится? Если нет, у меня в комнате есть много другой.

Малыш, старательно повторявший движения дедушки, поднял голову и улыбнулся:

— Нравится. На бумаге, которую выбрал третий дедушка, есть маленькие истории.

Если на уроке станет скучно, можно будет почитать истории на обложке, подумал про себя малыш.

Фэйфэй и Линь Гохун сидели вместе, один — настоящий ребёнок, другой — ребёнок в душе. Постепенно Линь Гохун, взяв маленькую ручку Фэйфэя в свою большую ладонь, стал учить его,

как правильно сгибать бумагу, чтобы обложка получилась красивой и аккуратной.

— Прадедущка меня отшлёпал, — тихим, сказочным тоном продолжал Линь Гохун, — но мне всё равно нравилась та бумага с золотым напылением. На следующий год, когда выдали новые учебники, я снова тайком её использовал. Каждый раз, когда оборачивал книги, получал порку. Но куда бы прадедущка ни прятал бумагу, я всегда её находил.

А потом отец внезапно умер, и семья Линь на какое-то время обеднела. Больше не было той стопки бумаги, ценнее золота, чтобы оборачивать книги. Он перешёл на сюаньскую бумагу, потом на обычную белую, а в конце концов — на тонкую, рвущуюся от любого прикосновения, соломенную.

Но что бы ни случилось, Линь Гохун никогда не изменял своей привычке оборачивать книги, словно упрямо храня память о чём-то.

— Знаешь, я сегодня заглянул в вашу школу и заметил, что многие дети больше не оборачивают книги бумагой. Наверное, считают это старомодным, ведь в магазинах продаются такие красивые готовые обложки. Или просто не оборачивают вовсе. Если Фэйфэю не нравится, мы не будем. Я лучше свожу тебя в сад, посмотрим, не снесли ли птички яйца в гнёздах.

Фэйфэй тут же замотал головой. Он провёл ручкой по уже готовой обложке и подумал, какой же его третий дедушка молодец: обернул так аккуратно и специально оставил маленькую историю прямо посередине.

— Обложки, которые делает третий дедушка, самые красивые. Фэйфэю такие нравятся больше всего. Не знаю, как другим ребятам, а Фэйфэю нравится, и это главное, — вернувшись домой, малыш расслабился и снова стал называть себя в третьем лице.

Линь Гохун кивнул:

— Ха-ха, наш Фэйфэй прав, главное, чтобы нравилось тебе.

На следующий день Фэйфэй снова отправился в начальную школу «Цысин» со своим маленьким рюкзачком, чтобы официально начать свою школьную жизнь.

Перед тем как выйти из машины, Линь Сынянь взвесил в руке его рюкзак — тяжёлый, давил на руку. Он недовольно нахмурился. Всего лишь первый класс, а уже такая нагрузка? Что-то слишком много книг выдали в школе.

— Малыш, в следующий раз не будем брать с собой столько книг. Будем брать только те, что нужны на уроках в этот день, — предложил он Фэйфэю.

Малыш опустил глазки в пол. У него, конечно, был свой маленький секрет.

Но он не стал ничего скрывать от папы и честно признался:

— Папа, посмотри на мои книги. Третий дедушка сделал мне обложки. На каждой книге есть маленькая история. Когда Фэйфэй устанет на уроке, он сможет доставать книги и читать по очереди.

Линь Сынянь открыл рюкзак и заглянул внутрь. И правда.

Он не знал, смеяться ему или плакать. Окажись на его месте Линь Цзинли, отправляющий в школу Линь Ханя, эти обложки, скорее всего, были бы сорваны и конфискованы.

Но Линь Сынянь, поколебавшись секунды три, застегнул молнию на рюкзаке и кивнул:

— Да, нужно отдыхать. Если всё время на уроке внимательно слушать, можно сильно устать. Фэйфэй, смотри не переутомляйся.

Фэйфэй взял у папы свой рюкзачок, полностью принимая его заботу, и добавил от себя:

— Фэйфэй будет смотреть, только когда выучит всё, что объяснил учитель. Нужно уважать труд учителя.

— Правильно говоришь, Фэйфэй, какой ты молодец, — похвалил его Линь Сынянь, погладив по пушистой макушке.

В классе начался новый день. Возможно, вчерашние события так подействовали на Чу Сяоханя и остальных, но когда Фэйфэй вошёл в первый класс, третий кабинет, Чу Сяохань, Цуй Юань, Чжан Сяоху, Лян Ханюй и Эл уже сидели на местах вокруг его парты.

Фэйфэй очень обрадовался. Пройдя мимо Эла, он сел на своё место у стены и радостно закачал ножками на подставке под партой.

— Братик Сяохань, Юаньюань, Ююй, Сяоху, вы уже здесь!

Чу Сяохань, сидевший позади Фэйфэя, незаметно бросил взгляд на Эла, сидевшего рядом с малышом, и коротко хмыкнул в знак приветствия.

Цуй Юань гордо вскинул голову.

— Я вчера после уроков лично проследил в учебной части, чтобы директор оформил перевод для всех.

Фэйфэй достал из кармашка конфету и протянул ему:

— Юаньюань, ты так старался.

Цуй Юань взял конфету и сунул в карман.

— Да ладно, не так уж и сложно было.

Когда до урока оставалось совсем немного, Фэйфэй почувствовал, что Цзян Хань то и дело украдкой поглядывает на него. Но стоило ему поднять голову, как тот тут же отворачивался.

Фэйфэй, не понимая, что происходит, потёр щёку и решил больше не обращать на него внимания. Вчерашний инцидент для него, незлопамятного малыша, уже почти забылся. К тому же Цзян Хань извинился.

Поэтому Фэйфэй и не догадывался, что Цзян Хань до сих пор мучается вопросом, стоит ли извиниться ещё раз. Вчерашние извинения показались ему слишком неформальными.

И так он промучился с этим вопросом от начала уроков до самого их конца.

Во время занятий на Фэйфэя оглядывался не только Цзян Хань. Взгляды почти всех детей в классе были прикованы к нему.

Некоторые дети, подперев подбородок рукой, смотрели на Фэйфэя и думали: «Какой же Линь Лэфэй красивый. И сидит так прямо. Вот он кивнул, наверное, уже всё понял, что говорит учитель. Ах, и книги у него такие красивые, с маленькими историями на обложках. Я тоже хочу такие же обложки».

После уроков несколько ребят подошли к Фэйфэю, чтобы поговорить, но не знали, с чего начать.

Наконец, один из них, посмотрев на его книгу, почесал в затылке и нашёл предлог:

— Фэйфэй, из чего сделаны твои обложки? Такие красивые, где ты их купил?

Фэйфэй ответил:

— Я не знаю, мне их третий дедушка купил.

Мальчик подумал: «О, надо раздобыть такие же».

В тот вечер в канцелярском магазине у школы закончились все обложки для книг.

<http://bllate.org/book/13654/1603359>